

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.А. Ядова.</i> Молодежь перед вызовами современности: Актуальные проблемы социологических исследований. Предисловие	7
---	---

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

<i>М.А. Ядова, Е.В. Якимова.</i> Тенденции взросления в эпоху постмодерна.....	12
<i>А.М. Понамарева.</i> Вовлечение молодежи в сетевые структуры «Исламского государства»	19
<i>С.Г. Ким.</i> Молодые люди как виновники и жертвы насилия. (Реферативный обзор).....	31
<i>М.А. Ядова.</i> Крымский кризис-2014 в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения.....	45
<i>Я.В. Евсеева, М.А. Ядова.</i> Социологические исследования детства и юности в современной России: Аналитический обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации», 23–24 октября 2014 г.	61
<i>М.А. Ядова.</i> Молодежные исследования в Латинской Америке: Тенденции и перспективы. (Реферативный обзор).....	93

РЕФЕРАТЫ

<i>Элиасон С.Р., Мортимер Дж.Т., Вуоло М.</i> Взросление как переходный период: Структуры жизненного цикла и их субъективное восприятие.....	105
--	-----

Галлан О. Ценности молодых европейцев: Общий взгляд	113
Влияние событий 9/11 и борьбы с террором на психическое здоровье детей и молодежи: Систематический обзор научной литературы за последние 10 лет / Руссо С., Джамиль У., Бхай К., Буджаран М.	120
<i>Серракант П.</i> Влияние экономического кризиса на жизненные траектории молодежи: Случай Южной Европы	129
Молодежь в нестабильных государствах Африки: Карьерные ожидания и траектории. (Сводный реферат)	136
<i>Уиллинг К., Кинтеро Г., Лиллиот Э.</i> «Будто бьешься об стену»: Молодежь о скуке, проблемном поведении и практиках употребления наркотиков в сельских районах штата Нью-Мексико	147
<i>Фернквист С.</i> Игра не на равных: Опыт переживания и стратегии преодоления бедности школьниками	155
<i>Бенедикто Х., Лус Моран М.</i> Политизация иного рода? Репрезентации коллективной жизни и процессов гражданского участия в среде неблагополучной молодежи.....	161
<i>Дос Сантос И.</i> Ангола – Эльдorado для португальской молодежи? Воображаемые миры и опыт мобильности в португалоязычном пространстве	168
Жизненные траектории японской молодежи: Изменение паттернов романтических отношений, брака и профессиональной занятости. (Сводный реферат).....	175
<i>Шпрехер С., Хэтфилд Э.</i> Значение любви как основы брака: По следам исследования У. Кепхарта (1967)	187
Хикикомори и НЕЕТ: Особенности социальной самоизоляции в молодежной среде. (Сводный реферат)	192
Буллинг в подростковой среде: Причины и последствия. (Сводный реферат).....	200
<i>Райт М.Ф.</i> Кибервиктимизация и воспринимаемый стресс: Связь киберагрессии с особенностями психологического функционирования старших подростков.....	210
Эта «опасная» феминность: Гендерный анализ стрессовых переживаний молодых шведских женщин / Стрёмбёк М., Формарк Б., Виклунд М., Мальмгрен-Олссон Е.-Б	215
Аннотации статей и ключевые слова	220
Сведения об авторах	227

CONTENTS

<i>M.A. Yadova.</i> Youth in the face of the challenges of modern times: Current issues of sociological research. Introduction	7
---	---

ARTICLES AND REVIEWS

<i>M.A. Yadova, E.V. Yakimova.</i> Trends of becoming adults in the postmodern era	12
<i>A.M. Ponamareva.</i> Involving young people in network structures of the «Islamic State»	19
<i>S.G. Kim.</i> Young people as perpetrators and victims of violence. (Summary review)	31
<i>M.A. Yadova.</i> The Crimean crisis-2014 as seen by «modernists» and «traditionalists» of the post-Soviet generation	45
<i>Ya.V. Evseeva, M.A. Yadova.</i> Sociological studies of childhood and adolescence in contemporary Russia: Analytical review of the materials of the All-Russian scientific and practice-oriented conference with international participation «Children and society: Social reality and innovations», 23–24 October 2014	60
<i>M.A. Yadova.</i> Youth studies in Latin America: Trends and prospects. (Summary review)	92

SUMMARIES

<i>Eliason S.R., Mortimer J.T., Vuolo M.</i> The transition to adulthood: Life course structures and subjective perceptions	105
<i>Galland O.</i> The values of young Europeans: An overall picture	113
Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M.	120

<i>Serracant P.</i> The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe.....	129
Youth in the unstable African states: Career expectations and trajectories. (Joint summary).....	136
<i>Willing C., Quintero G., Lilliott E.</i> Hitting the wall: Youth perspectives on boredom, trouble and drug use dynamics in rural New Mexico	147
<i>Fernqvist S.</i> Joining in on different terms: Dealing with poverty in school and among «peers».....	155
<i>Benedicto H., Luz Moran M.</i> Another kind of politicization? Representations of collective life and processes of civic participation of disadvantaged youth	161
<i>Dos Santos I.</i> Angola: An Eldorado for the Portuguese youth? Imagined worlds and mobility experiences in the Lusophone world	168
Life trajectories of the Japanese youth: Changes in the patterns of romantic relationships, marriage and employment. (Joint summary)	175
<i>Sprecher S., Hatfield E.</i> The importance of love as a basis of marriage: Revisiting Kephart (1967).....	187
Hikikomori and NEET: Characteristics of social self-isolation among young people. (Joint summary).....	192
Bullying among teenagers: Causes and consequences. (Joint summary)	200
<i>Wright M.F.</i> Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning	210
The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences / Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B.	215
Abstracts and keywords	220
About authors.....	227

М.А. Ядова

**МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Предисловие

Ключевые слова: молодежь; современность; социологические исследования.

Ключевым понятием, приближающим ученых к категории «молодежь», является возраст. Однако представления о молодости относительно и социально обусловлены. По мнению специалистов, нижняя граница молодежного возраста, как правило, связана со временем полового созревания, окончания школы, начала профессионального обучения, а верхняя – с юридическим совершеннолетием, завершением профессионального обучения, вступлением в брак, достижением экономической независимости, высокого профессионального уровня и личностной зрелости¹. Поскольку эти процессы завершаются в разные периоды времени, хронологические рамки молодости могут варьироваться. В современном мире нижняя возрастная граница молодости обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя охватывает период между 25 и 35 годами.

Существует множество определений молодежи. Исследователей прежде всего разделяют различные подходы к предмету изучения – с позиции социологии, психологии, педагогики, истории, политологии, социальной антропологии и т.п. В социологии под молодежью принято понимать «социально-демографическую

¹ Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. – М.: Молодая гвардия, 1993. – С. 15.

группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»¹.

Социология молодежи как самостоятельная отрасль социального знания в нашей стране и за рубежом возникла во второй половине прошлого столетия и институционально оформилась к 1970-м годам. Социологи первыми среди обществоведов увидели в молодежи как социальной группе присущие только ей черты, идеалы, ценности, поведенческие установки и нормы. Кроме того, они заговорили о специфических молодежных проблемах, детерминированных в первую очередь социальными причинами.

Отечественные исследователи Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко выделяют ряд научных подходов, сложившихся в социологии молодежи². В рамках *психофизиологического* подхода молодость рассматривается как период между пубертатом (половым созреванием) и «maturity» (полной зрелостью). *Социально-психологическое* направление уделяет внимание молодежному возрасту с присущими тому биологическими и психологическими отношениями. Согласно *стратификационному* подходу, молодежь – особая социально-демографическая группа со своими социальными позициями и статусом. Для *конфликтологов* молодость – это прежде всего проблемная стадия в жизни человека, характеризующаяся стрессами и трудностями. Последователи *ролевого* подхода считают, что главное отличие молодежи кроется в ее специфических поведенческих ролях, уже «не мальчика» (Ребенка, по классификации Э. Фромма), но еще и «не мужа» (Взрослого). В фокусе внимания специалистов *субкультурного* направления находятся стилевые и культурные особенности образа жизни молодых. *Социализационные* концепции подразумевают, что молодость – это в первую очередь период усвоения социальных норм, время первичной социализации. С точки зрения приверженцев *интеракционистских* теорий, молодость – одно из трех состояний души, нечто среднее между позициями «Взрослый», характеризующейся нормативным, рациональным поведением, и «Ребенок» с его ориентацией на спонтанность, непосредственность и нестандартность. *Процессу-*

¹ Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 375.

² Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Современная российская молодежь: Методология изучения // Молодежь и общество на рубеже веков / Науч. ред. И.М. Ильинский. – М.: Голос, 1999. – С. 243–244.

альному подходу свойственен взгляд на молодежь как на людей, находящихся в стадии становления. Для последователей *субъективного* направления молодость не столько конкретный возраст, сколько особое мироощущение, характеризующееся оптимизмом, открытостью новому, активностью, жадной деятельностью.

Интерес исследователей к молодежной теме неразрывно связан с процессами индустриализации и модернизации общества. В традиционных социумах, где «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения»¹, о выделении особого положения молодежи не могло идти и речи. После успешного прохождения обряда инициации и освоения необходимых для полноценной жизни навыков вчерашние дети наделялись социальным статусом взрослого равноправного члена общины. Тогда как в современном и особенно постсовременном обществах усложнение социальной жизни и трудовой деятельности повлекло за собой удлинение необходимых сроков обучения и периода «ролевого моратория».

Несмотря на то что в СССР и на Западе внимание к «молодежному вопросу» было обусловлено схожими причинами, подходы к этой теме заметно различались. Единственным объединяющим советские и западные дискурсы фактором стало «объектно-эксплуататорское» отношение к молодежи со стороны тогдашнего исследовательского сообщества².

Широко распространенные на Западе теории субкультуры и контркультуры были своеобразным ответом ученых на моральные паники обывателей, встревоженных проявлениями различных форм молодежной культуры³. Долгое время западных социологов отличал односторонний – «проблематизированный» – взгляд на молодежь: в своих работах они уделяли особое внимание молодежным девиациям и другим «опасностям», исходящим от представителей новых поколений⁴. В итоге стремление изучать только «проблемную» молодежь привело к тому, что вне исследовательского интереса оказалось большинство молодых людей, чье поведение не нарушало законов и общепринятых нравственных устоев. Совет-

¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – С. 322.

² Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – С. 25.

³ Там же. – С. 18.

⁴ См., в частности, работы: Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. – Glencoe (IL): Free press, 1955; Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. – L.: Paladin, 1973.

ские социологи, напротив, фокусировались преимущественно на социально одобряемой деятельности молодежи, воспринимая юношей и девушек как потенциальных творцов «светлого будущего и строителей коммунизма»¹. Характерная для советского общества цензура, создавая многочисленные информационные барьеры, делала подчас невозможным серьезное исследование действительно проблемных сторон жизни советской молодежи. К тому же, как справедливо замечает российский социолог Е.Л. Омельченко, западные теории в большинстве своем выросли из биосоциальных, психологических и культурологических концепций развития личности, а советские базировались на доктрине «марксистско-ленинской идеологии»².

Сегодня различия между отечественными и западными подходами постепенно стираются. Очевидно, что такое сближение – результат сходных тенденций, происходящих во многих странах мира. Реалии современной жизни заставляют социологов пересмотреть привычные «объективированные» концепции и увидеть в молодых людях полноправных социальных акторов, способных на качественное преобразование окружающей реальности. Причем некоторые исследователи призывают рассматривать индивида в качестве самостоятельного субъекта уже с детства³.

Настоящий сборник – результат продолжительной работы сотрудников отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН и приглашенных авторов; большинство материалов ранее были опубликованы в издаваемом отделом реферативном журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология». В предлагаемых вниманию читателей статьях, обзорах и рефератах анализируются изменения, сопровождающие процесс взросления современной молодежи. В трансформирующихся социумах жизненные траектории представителей новых поколений дестандартизируются, а период «транзита» от юности к взрослости усложняется и удлиняется. Жизнь в «обществе риска» значительным образом влияет на взгляды и поведение молодых людей, заставляя их выбирать наиболее

¹ Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – С. 25.

² Там же.

³ Подробнее см., например.: *James A., Jenks C., Prout A. Theorizing childhood.* – Oxford: Polity, 1998; *Lee N. Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty.* – Buckingham: OUP, 2001.

эффективные стратегии адаптации к перманентной социальной нестабильности.

Круг рассматриваемых тем чрезвычайно широк: это и считающиеся традиционно молодежными вопросы (личностное, профессиональное самоопределение, взаимоотношения со сверстниками, выбор спутника жизни и т.д.), и стоящие перед новыми поколениями глобальные угрозы социального, экономического и политического характера. Нам показалось целесообразным, чтобы география исследований, представленных в сборнике, не ограничивалась Россией, Европейским сообществом и США, но также включала бы страны Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на то что заявленные в сборнике работы не позволяют оценить всю широту проблемно-тематического диапазона ювентологических социологических исследований, надеемся, что нам удалось дать читателям хотя бы некоторое представление о наиболее злободневных проблемах, с которыми приходится сталкиваться современной молодежи.

М.А. Ядова, Е.В. Якимова

ТЕНДЕНЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В эпоху постмодерна привычные взгляды о едином, унифицированном пути социального развития сменяются представлениями о его неопределенности и вариативности. Стремительно трансформирующиеся социальные реалии вкупе с усилением «хаотизации» общественного порядка заставляют говорить об особых актуальных тенденциях взросления.

По словам отечественного психолога К.Н. Поливановой, среда развития, в которой происходит становление современного человека, находится под влиянием следующих общемировых процессов [Поливанова, 2012]:

1) экономическая глобализация (транснациональность капитала, дерегуляция рынков труда, управления, либерализация торговли, появление электронных денег); 2) политическая (демократизация, открытие и закрытие границ, всевозможные формы трудовой миграции, рост разного рода политических движений, в том числе неолиберализм, правые движения, фундаментализм); 3) культурная (вестернизация, обретение английским языком статуса универсального языка, распространение поп-культуры); 4) коммуникационная (усиление роли массмедиа, Интернета, появление возможности моментально связаться с необходимым человеком, увеличение скорости передвижения по миру).

Сегодня происходит сложная трансформация социокультурных пространств, которые еще несколько десятилетий назад казались неизменными. Среди этих изменений выделяют экономическую нестабильность, сужение вертикально-иерархических

способов управления, распространение информационных технологий, ориентацию на индивидуализацию [Поливанова, 2012].

В современной западной социологической литературе бытует несколько вариантов объяснения трансформации паттернов взросления в эпоху позднего модерна [Bauman, 1992; Beck, 1992; Castells, 1996]. При этом большинство исследователей акцентируют следующие ключевые параметры этого процесса: удлинение / расширение границ юности, нелинейность жизненных траекторий, повторяемость фаз жизненного цикла и их диверсификация.

Под удлинением имеется в виду тенденция к более затяжному, чем прежде (растянутому во времени и отчасти – в социальном пространстве), процессу вступления молодого человека во взрослую жизнь. Для человека позднего модерна юность, по сравнению с другими периодами жизни, становится едва ли не самым существенным биографическим этапом, который в значительной мере предопределяет последующий индивидуальный жизненный путь. Подготовка индивида к полноценному участию в жизни социума приобретает сегодня дробный характер, ее промежуточные фазы множатся, удлиняются и демонстрируют все новые и неожиданные формы. Повышение социальных требований к вступающему в жизнь человеку постмодерна предполагает более длительный период обучения и приобретения специальных знаний и отложенный момент выхода на рынок труда; особая экономическая незащищенность молодых людей, столкнувшихся с реалиями взрослой жизни (безработица или временная занятость) заставляет их позднее покинуть родительский кров и откладывать обзаведение собственным домом и семьей на более отдаленный возрастной период.

Помимо этого, обнаруживается тенденция к «присвоению» молодостью заключительных этапов отрочества: современные подростки все чаще демонстрируют поведенческие и ролевые паттерны, свойственные юности. Это обстоятельство заставляет исследователей задуматься о введении специального термина для обозначения социовозрастной группы, которая приобретает доступ к материальным и нематериальным атрибутам взрослой жизни, оставаясь в личностно-биографическом плане на уровне тинейджеров [Alléon, Morvan, Lebovici, 1985; Serracant, 2015]. Таким образом, фаза юности удлиняется в обоих временных направлениях.

Нелинейность жизненных траекторий выражается в нарушении традиционной последовательности сменяющих друг друга этапов внутри данной фазы жизненного цикла: получение образования – работа – достижение финансовой независимости – созда-

ние семьи – рождение ребенка [Pollock, 2008; Baizan, Michielin, Billari, 2002; Serracant, 2015]. Ряд исследователей считают, что классическая цепочка жизненных трансформаций претерпела изменения уже в европейских обществах модерна; еще менее пригодна данная модель для описания биографических маршрутов молодого человека в современном мире, где преобладает постфордистский вариант жизненного пути. Зачастую юноши и девушки совмещают либо попеременно чередуют учебу и трудовую деятельность; нередки случаи, когда взрослый ребенок возвращается в отчий дом после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, еще не имея финансовой независимости.

Под тенденцией возвратности обществоведы предлагают понимать повторение социальных практик, уже имевших место в жизни молодого человека (получение еще одного образования, воссоединение с родительской семьей после периода самостоятельности). В фордистских обществах относительная ригидность цепочки жизненных событий в юности, вероятно, была обусловлена приверженностью твердым жизненным принципам. В то же время ориентация на индивидуалистические ценности, характерная для современного общества, делает возвратно-поступательное движение в границах юности почти нормой. Тем не менее возвратность как механизм нарушения линейности жизненного цикла может проявлять себя и в рамках традиционной последовательности его внутренних субпереходов [Serracant, 2015].

Наконец, диверсификация жизненных траекторий современной молодежи связана со свойственными эпохе позднего модерна тенденциями «биографической» индивидуализации и саморефлексии. Это прежде всего обусловлено возрастающей необходимостью для человека постмодерна самостоятельно справляться с возникающими перед ним социальными вызовами и трудностями [Lecardi, 2005].

Особого интереса заслуживает рассмотрение в новейших западных исследованиях социальных факторов, влияющих тем или иным образом на содержательную трансформацию этапов взросления. Популярностью у социологов пользуется, в частности, концепция биографического выбора, согласно которой рефлексивность и диверсификация жизненных путей в юности подготавливаются и поддерживаются доступностью и масштабностью тех ресурсов (материальных, образовательных и т.п.), которые современное общество предоставляет своим новым членам.

Вместе с тем значительный массив эмпирических исследований¹, проводившихся на протяжении двух последних десятилетий в ряде западноевропейских стран, показывает, что выявленные общие тенденции изменения внутренней структуры жизненных траекторий современной молодежи и деформация линейности и поступательности личных и поколенческих биографий опосредуются национальной и культурной спецификой, религиозной традицией, региональными экономическими особенностями, социально-классовыми позициями и даже личностными перцепциями процесса взросления. С этой точки зрения заслуживает внимания модель режимов социального обеспечения, разработанная в 1990-е годы и получившая конкретизацию уже в нынешнем столетии [Esping-Andersen, 1990; Globalization, uncertainty... 2005; Walther, 2006; Van de Velde, 2008].

В данной концепции специфические паттерны взросления в обществах позднего модерна трактуются как совокупный итог доминирующих национальных и культурных ценностей, с одной стороны, и содержания социальной политики – с другой. Так, в Северной Европе преобладает государственная и социальная поддержка длительного, активного, экспериментального жизненного поиска в юности. В континентальной Европе сохраняет свое влияние корпоративная установка, заставляющая молодежь так или иначе встраивать свою жизнь в существующую образовательную систему, что, в свою очередь, гарантирует ей социальную идентичность и статус в соответствии с избранной нишей на рынке труда. Соответственно, жизненные траектории молодежи здесь более линейны и менее длительны, но при этом ориентированы на финансовую помощь семьи. В либеральных англосаксонских странах режим социальной политики поощряет раннюю автономию молодежи; жизненные траектории юности здесь изначально ориентированы на трудовую деятельность, что предполагает раннюю экономическую самостоятельность, самофинансирование образования и независимость от родителей. На юге Европы возрастная сегментация рынка труда, слабость социальной политики и малодоступность социальных гарантий способствуют устойчивости традиционных межпоколенческих связей. Данную стратегию можно рассматривать как договоренность между поколениями об ограниченной автономии взрослых детей в родительском доме до

¹ Подробнее см., например, рефераты, опубликованные в настоящем сборнике.

достижения ими необходимой экономической самостоятельности, что позволяет говорить о «семейственном» режиме взросления [Seracant, 2015, p. 41–42].

Примечательно, что, по результатам исследований отечественных социологов, процесс взросления российской молодежи обнаруживает схожие тенденции. Начиная с 1990-х годов выявляется «существенное обновление общей траекторной картины процесса социализации молодежи» [Ковалева, 2003, с. 115]. В жизненных траекториях молодежи «проявляются... преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы социализации в молодежном возрасте, для которой рассогласовываются пути, сроки и способы становления» [там же].

Эти наблюдения позволяют предположить, что свобода выбора жизненных траекторий, постулируемая социологической теорией постмодерна как предпочтительный биографический вариант в третьем тысячелетии, нуждается в эмпирических поправках и конкретизациях, учитывающих культурный и социально-экономический контекст возможных биографических поворотов.

Помимо этого, стоит отметить характерную для общества постмодерна ориентацию на «вечную молодость», которая, охватывая все сферы жизни социума, формирует инфантильный этос поведения. В целом темпы «омоложения» человечества таковы, что еще в 2003 г. Национальная академия наук США предложила считать 30-летний возраст временем окончания подросткового периода в жизни среднестатистического человека, а, по мнению экспертов Американского общества подросткового здоровья и медицины, по-настоящему взрослым человек становится лишь после 34 лет [Danesi, 2003].

По словам украинского социального психолога М. Дворник, постмодернистская реальность формирует особый тип личности – кидалта [Dvornyk, 2016]. Словом «кидалт» (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) принято обозначать взрослого, сохраняющего детские увлечения. Впервые это понятие было употреблено в 1980-е годы обозревателем газеты «The New York Times» П. Мартином для описания мужчин старше 30 лет, на первый взгляд, вполне состоявшихся, но продолжающих получать удовольствие от детских игр, просмотра мультфильмов и пр. Кидалтам, как правило, свойственны психологический и социальный инфантилизм, избегание ответственности, отторжение идентично-

сти взрослого, а также высокий уровень суггестивности и ориентация на анахроничное выстраивание собственной жизни.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что феномен кидалтизма – следствие дестандартизации «биографических маршрутов» современного человека. Еще несколько десятков лет назад вступление во взрослую жизнь традиционно связывалось с обретением финансовой самостоятельности, получением стабильной работы, браком и рождением детей. Однако гибкие условия постмодернистской реальности больше не вынуждают индивида «маркировать» свою жизнь многими атрибутами «взрослого» статуса. Это, по словам М. Дворник, породило новое – ориентированное на игру – отношение к окружающему миру, что делает кидалта как особый тип *homo ludens* ключевой фигурой постмодернистского пространства [Dvornyk, 2016].

Подводя итоги, отметим, что социальные трансформации, характерные для постсовременных обществ, существенно удлинили и видоизменили период «перехода» от юности к взрослости. В свою очередь стремительность происходящих изменений, необходимость преодоления глобальных угроз требуют от исследователей выработки новых научных подходов к изучению тенденций и трудностей взросления.

Список литературы

- Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: Норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 109–115.
- Поливанова К.Н. Практики развития: Взросление в современном мире: Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство» // PsyJournals.ru: Портал психологических изданий. – М., 2012. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Дата обращения: 30.07.2018.)
- Alléon A.-M., Morvan O., Lebovici S. Adolescence terminée, adolescence interminable. – P.: PUF, 1985. – 240 p.
- Baizán P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. – Norderstedt, 2002. – Vol. 6, N 8. – P. 190–240.
- Bauman Z. Intimations of postmodernity. – L.: Routledge, 1992. – XXVIII, 232 p.
- Beck U. Risk society: Towards a new modernity. – L.: SAGE, 1992. – 288 p.
- Globalization, uncertainty and youth in society / Ed. by H.P. Blossfeld, E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – XXVII, 452 p.
- Castells M. The rise of the network society. – Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1996. – 480 p.

- Danesi M.* Forever young: The «teen-aging» of modern culture. – Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. – X, 139 p.
- Dvornyk M.* Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // Психологічні науки: Проблеми і здобутки: Зб. наук. пр. – Київ, 2016. – № 9. – С. 56–71. – Режим доступу: <http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20Kidults%20Are.pdf> (Дата обращения: 30.07.2018.)
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. – Cambridge: Polity press, 1990. – XI, 248 p.
- Leccardi C.* Facing uncertainty: Temporality and biographies in the new century // Young. – L., 2005. – Vol. 13, N 2. – P. 123–146.
- Pollock G.* Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. – Oxford, 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 467–484.
- Serracant P.* The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe // Young. – L., 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58.
- Van de Velde C.* Devenir adulte: Sociologie comparée de la jeunesse en Europe. – P.: PUF, 2008. – IX, 278 p.
- Walther A.* Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // Young. – L., 2006. – Vol. 2, N 14. – P. 119–139.

А.М. Понамарева

**ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
В СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ
«ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

Увеличение количества добровольцев из Европы, готовых воевать на стороне группировки «Исламское государство» (ИГ)¹, вызывает крайнюю обеспокоенность западного политического истеблишмента. Особенно тревожным представляется тот факт, что значительную часть потенциальных наемников составляют представители мусульманских меньшинств второго и третьего поколения иммиграции. Это *граждане* европейских государств, т.е. те, от кого ожидают полной интеграции в социокультурное пространство Европы и готовности связать свое будущее со Старым континентом. Обострению угрозы национальной безопасности европейских государств также способствует изменение направленности вербовочной работы террористических группировок вследствие успешного освоения ими сетевых форм организации и социальных медиа. Как отмечает британский социолог Четан Бхатт, в основе эффективности интернет-пропаганды современных террористических организаций лежит следующий принцип взаимодействия с целевой аудиторией: «Вы не должны приезжать к нам для прохождения боевой подготовки, мы перенесем обучение к вам домой; вы сможете сделать все что угодно самостоятельно, используя инст-

¹«Исламское государство» – исламистская террористическая организация, действующая на территории Ирака и Сирии (сокращенно ИГ или ИГИЛ, в арабских СМИ – ДАИШ). ИГ признано террористической организацией в Австралии, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Канаде, ОАЭ, США, Таджикистане, Турции, а также в России (с 29 декабря 2014 г.). Ее деятельность на территории этих стран запрещена.

рукции, находящиеся в общем доступе; вам не требуется чье-либо разрешение для начала операций, вы всего лишь должны сделать первый шаг» [Bhatt, 2014, p. 30]. В данном контексте показательно, что основными исполнителями серии парижских терактов 2015 г., ответственность за которые взяло на себя «Исламское государство», оказались молодые люди с арабскими именами, но с европейскими паспортами. Следует отметить, что в общественной реакции на случившееся некоторые эксперты увидели «спасительное социально-политическое пробуждение»: они обратили внимание на высказывания отдельных французских граждан – потомков иммигрантов-мусульман, которые заявляли, что впервые почувствовали себя истинными французами, поскольку произошедшие события побудили их провести ревизию собственных ценностей и окончательно определиться с тем, какую страну считать родиной [Ушкова, 2016]. Однако подобный оптимистический подход оставляет без внимания тех представителей иммигрантского сообщества, кто по итогам переоценки ценностей пришел к прямо противоположным выводам, но по вполне понятным причинам не сообщил об этом.

Проблема наемников актуальна и для Российской Федерации, где ислам, в отличие от Европы, является традиционной религией автохтонных народов. В сознании масс и правящих элит еще слишком свежи воспоминания о трагических событиях, сопутствовавших волне этносепаратизма начала 1990-х годов, чтобы игнорировать фактор притяжения транснационального вооруженного джихадизма ИГ и его роль в радикализации молодежи мусульманских регионов страны (беспокойного Северного Кавказа в частности). Дополнительную остроту вопрос противодействия пропаганде ИГ обретает в контексте доминирования среднеазиатского вектора трудовых мигрантов в России. Многие выходцы из Центральной Азии (ЦА), стремящиеся в Сирию, используют российскую территорию как «перевалочный пункт» на пути к участию в войне за халифат. Помимо этого, как пишет издание *Financial Times*, цитируя Ноа Такера, автора доклада о вовлечении Центральной Азии в конфликт в Сирии и Ираке, 80–90% бойцов ИГ из числа граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии были завербованы, находясь на заработках в России. «В этих странах – поясняет американский исследователь, – локальная и региональная идентичности обладают значительно большей важностью, чем национальная. Когда они [трудовые мигранты] приезжают в Россию, то утрачивают связь со своим “комьюнити” и подменяют идентичность ме-

стного сообщества исламской» [Hille, 2015]. Хотя приводимые Н. Такером статистические данные представляются несколько завышенными и напоминают сознательный медиавброс, призванный убедить широкую общественность в неэффективности работы российских спецслужб, выявленный американским экспертом вектор трансформации идентичности переселенцев из ЦА в ситуации разрыва с родиной заслуживает самого пристального анализа.

С нашей точки зрения, ИГ особо опасно именно в качестве молодежного проекта, адресующего свой эмоциональный призыв социальной группе, которая наиболее чувствительна к любым изменениям, происходящим в экономической и политической сферах.

С одной стороны, молодежь традиционно воспринимается как носитель некоего инновационного потенциала, как группа, обеспечивающая динамику социальных изменений. С другой стороны, жизненный старт неизбежно опосредован рядом проблем – получения образования, начала трудовой деятельности, создания семьи, профессионального роста – и все это обуславливает уязвимость молодых людей в широком смысле слова. Будучи частью общества, молодежь обременена всем комплексом противоречий, связанных с реализацией присущих ей социальных функций – воспроизводственной, трансляционной, инновационной¹. В силу этого в условиях кризиса государственной системы молодые люди стал-

¹ Говоря о воспроизводственной, трансляционной и инновационной функциях молодежи, мы опираемся на совокупность теоретических положений, выдвинутых и обоснованных под руководством В.И. Чупрова и положенных в основу крупного научного проекта «Социальное развитие молодежи», осуществлявшегося в Институте социально-политических исследований РАН в 1991–2002 гг. С нашей точки зрения, плодотворность концепции социального развития молодежи В.И. Чупрова в макросоциальном контексте обуславливается, в числе прочего, ее легкой «переводимостью» в инструментарий эмпирических исследований. Как отмечает ученица и последовательница В.И. Чупрова, автор рискологической концепции молодежи Ю.А. Зубок: «Такой подход позволяет обосновать меру существенных признаков, необходимых для операционализации молодежи как базового понятия данной отрасли социологии. В качестве меры выступает способность молодого поколения унаследовать, воспроизвести на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. То есть функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи». См.: [Зубок, 2007, с. 11]. См. также: [Молодежь России, 1992; Чупров, 1994].

квиваются с серьезными проблемами в сферах образования (незаинтересованность политических элит в реализации массами права на получение качественного образования; неравенство доступа к культурным ценностям) и труда (замкнутый круг: «нет опыта – нет работы – нет опыта»); невысокие стартовые возможности, низкие зарплаты и т.п.), а также при выборе пространства самореализации (поселенческий фактор, ошибки самоопределения и др.) [Социальная работа... 2011].

Уязвимость молодежи в узком смысле слова в современной научной литературе связывается с личностными проблемами, которые отражают объективные трудности жизни этой социальной группы. К факторам, обладающим наиболее ярко выраженным негативным влиянием, относят: нестабильность родительской семьи; резкое усиление имущественного расслоения, которое приводит к складыванию жестко стратифицированного общества с ограниченными возможностями социальной мобильности; отсутствие нормальной системы кредитования и продуманной социальной политики; неуверенность в завтрашнем дне. Совокупное воздействие вышеперечисленных факторов оборачивается ослаблением ценностей гражданской солидарности у подрастающего поколения, ростом социальной напряженности и радикализацией отдельных когорт молодежи.

Неустойчивость как имманентная характеристика социального положения молодежи в кризисных обществах обуславливает особое внимание вербовщиков ИГ к людям, только вступающим во взрослую жизнь. В данном контексте крайне актуальным представляется выявление механизмов вовлечения молодежи в ультрарадикальные исламистские организации.

Одним из наиболее ярких исследований последних лет в обозначенной выше предметной области является работа главы Международного центра изучения экстремизма (*International center for the study of violent extremism*) Энн Спекхард «Беседуя с террористами: Понимание психосоциальной мотивации воинствующих джихадистов, захватчиков заложников, бомбистов-смертников и “мучеников”» [Speckhard, 2012]. В основу книги легли свыше 400 интервью, которые проводились как в зонах конфликтов, в том числе относительно недавних (Западный берег реки Иордан, сектор Газа, Ирак, Чечня), так и в формально безопасных странах (Марокко, Бельгия, Нидерланды, Великобритания). Обобщение – с учетом широкого социально-политического контекста – множества пристрастных повествований позволило